

альную политику Испании в Латинской Америке в XVI - XVIII вв.

Над новыми темами работает и старшее поколение кафедры, оказывающее всемерную помощь молодежи.

Коллектив кафедры полон решимости ещё выше поднять уровень своей научно-исследовательской и учебно-воспитательной работы.

* - публикуется с редакционными сокращениями.

С. И. Ворошилов

Воспоминания ветерана*

Я родился в Белоруссии, в тихой, спокойной разноязычной части России, где на улицах деревень (вёсок) шумно играли дети почти всех славянских племен. Здесь можно было встретить не только белорусских, но и польских, украинских и, конечно, русских детей, шумно играющих, несмотря на различие языков и разнообразие акцентов. Особенно дружественными, правда, были отношения между польским и литовским населением поскольку оба этих народа исповедуют католицизм.

Взрослые же жили решением проблем, рождёнными массовой коллективизацией, сопровождавшейся, как известно, массовыми репрессиями. Уже в самый начальный её период крестьяне потихоньку начали договариваться о том, чтобы в складчину покупать молотилки, справедливо полагая, что это единственный оставшийся им выход после конфискации лошадей.

Я вспоминаю, например, деревню Кликовщину Россонского района, в которой я родился и где прошло мое детство. Это небольшая деревня, как и большинство белорусских деревень, на окраине которой проживала семья Константина Грибовского. Жил он за счет пчел. В его маленьком садике было много

пчелиных ульев. Всю осень он осторожно перекачивал собранный пчелами мед в приготовленные им самим небольшие бочонки и продавал. В колхоз вступать он не собирался, что его и погубило - он был арестован, посажен в тюрьму, где и сгинул. Семья - жена и четверо детей - осталась навсегда без отца. Мать вскоре умерла, а детей приютили в детских домах.

Его родной брат Антон Грибовский, проживавший в той же деревне, вступил в колхоз «Ударник» того же Россонского района. Колхоз был только-только организован, и у народ не успело еще вызреть чувство разочарования от пока еще слабо проявлявшейся бесхозяйственности. Вся семья Антона отличалась завидной работоспособностью. Старого отца приставили к лошадям на пастбище, и он выполнял эту работу добросовестно. Лошадей пасли на довольно обширных лугах у озера, обозначенного на карте Белоруссии Межевским. Окружено оно возвышенностями, с приятными для взора тремя островами, покрытыми самой различной растительностью. Крестьяне близлежащих деревень посещали острова летом, особенно в жаркую пору, чтобы накосить травы для скотины, а осенью молодежь, особенно в воскресные дни, шумной толпой совершала налеты на кусты орешника, малины и прочие ягодники.

Крестьянский дух старого Антона никак не мог смириться с тем, что, пока лошади отдыхают на обильно покрытых травой лугах, он сидит без дела. И он решает сесть в лодку и, взяв лопату, отправиться на самый ближайший остров и посмотреть, что там можно добыть для хозяйства. Намётанный глаз сразу определил, что это хорошее место для посадки картофеля. На следующий день он выкопал полоску земли, с которой осенью собрал небольшой урожай. Это было квалифицировано как подрыв колхозного строя. Его арестовали и больше его никто не видел.

В 1937 г. я закончил Россонскую среднюю школу и поступил на исторический факультет ленинградского государственного университета. Учеба в университете - это лучшие годы моей молодости. Среди преподавателей было много интересных

личностей. Историю Древней Руси читал профессор Греков. Он был из дворянской семьи и после революции очутился на се-вере, на Соловецких островах. Это был очень представительный человек, ученый. Находясь на Соловецких островах он изучал архивные документы по Древней Руси в библиотеке Соловецкого монастыря, и в результате этой длительной работы установил степени зависимости крестьян в Киевской Руси. Это важное научное достижение ученого имело большое значение для изучения истории Древней Руси. Огромным авторитетом у студентов пользовались академик В. В. Струве, профессор С. Б. Окунь и другие. Я благодарен университету за хорошее преподавание иностранных языков и латыни. Изучение иностранных языков давалось мне сравнительно легко. Очень хотелось читать классиков на том языке, на каком они писали свои бессмертные творения. Большую роль сыграла в этом моя покойная мама. Она хорошо знала польский язык и я, родившийся в Белоруссии, начал обучаться грамоте на польском языке.

Когда фашисты напали на нашу страну, мы готовились к сдаче очередных экзаменов. Сразу же после них студенты-мужчины вступили в ленинградскую дивизию народного ополчения. Там сразу началась военная подготовка. Она, конечно, нужна была, потому что, по действующим тогда законам, студенты призывались в армию только по окончании учебного заведения. Поэтому многие не знали ни устройства винтовки, ни даже строевых команд. Многие почти самовольно уходили домой, чтобы навестить свою семью, но всегда возвращались в свою часть.

Но мне не пришлось долго пробыть в ополчении, так как я заболел и меня отправили домой. После выздоровления мне посоветовали в университете взять направление и отправиться в отдел кадров министерства высшего образования Узбекистана, в город Ташкент.

Несколько месяцев проработав в эвакуированном детдоме в маленьком городишке Шахар-тепе, я был призван в армию и направлен в военное училище в городе Намангане. Через

четыре месяца почти всё училище было срочно направлено на Курскую дугу, где в это время наша армия наносила сокрушительные удары по фашистской армии. Я был зачислен в роту противотанковых ружей. Так началась моя фронтовая жизнь.

В первом бою нам повезло, и в расположение нашей противотанковой роты не вышел ни один фашистский танк, хотя вокруг разворачивалось настоящее танковое сражение. Я тогда впервые увидел наши замечательные Т-34. К концу дня фашисты стали отступать, и их пехота, отрезанная нашими танками от основных частей, начала вылезала из глубоких и, нужно сказать, хорошо оборудованных укреплений. Некоторые из них кричали «Гитлер капут», некоторые просто что-то бормотали. У одного, кажется младшего офицера, я спросил по-немецки что он говорит. И тут оказалось, что за моей спиной стоял полковник Громов, заместитель командира полка по политическому делу. Услышав мое обращение к немцу, полковник сразу обратился ко мне с вопросом: откуда я знаю немецкий. У них в полку не было переводчика, и я был принят на эту должность.

Моей работой в полку были довольны. С полковым взводом разведки я неоднократно ходил на задания и при выполнении одного из них мне в очередной раз повезло.

Вышестоящее руководство поставило перед полком задачу - выяснить, какие вражеские силы стоят перед нами, для чего требовалось добыть «языка».

Когда выходили за передний край, ночь была тихой и достаточно темной для этого времени года, но время шло и начало уже светать, нас уж было покинула надежда на удачу. Вдруг в лесу стал раздаваться одинокий голос. Стало ясно, что человек заблудился. И тогда товарищи попросили меня позвать его. Я стал объяснять им, что по моему произношению он поймет, что с ним говорит не немец. Но, в конце концов, я решился, позвал его и заблудившийся немец сам пришел к нам. Мы все были очень рады, что именно разведка нашего полка выполнила задачу.

Навстречу вернувшимся с задания вышел командир полка полковник Жмаев (из донских казаков), поблагодарил всех, потом подошел ко мне и приколот на грудь медаль «За Отвагу». Это была моя первая награда. Она и сейчас храниться в моем специальном сундучке на первом месте.

Через некоторое время начальник штаба полка майор Иванюшин вызвал меня в штаб и спросил: откуда я знаю немецкий язык. Я ему ответил, что закончил исторический факультет ленинградского университета и что требования к знанию языков там были очень серьезными. К тому же я имел пристрастие к языкам.

Майор Иванюшин был очень культурным и корректным человеком. Позже я узнал, что на гражданке он был преподавателем средней школы. Тем не менее через некоторое время он снова вызвал меня в штаб полка и как-то стесняясь спросил: откуда я все-таки знаю немецкий язык. Тут-то я понял, что он спрашивает меня потому, что на него насаждает представитель СМЕРШ. Так оно и было. Хорошо, что у меня с собой был диплом об окончании университета. Мне просто негде было его оставить в Ленинграде. Младшая сестра Нина, незамужняя, была призвана в армию и находилась в воинской части в районе Сестрорецка, а старшая - Елена - с детьми была где-то в деревне. Так что мой диплом находился при мне. Я его показал и после этого в штаб полка меня не вызывали.

Вскоре меня перевели в штаб 1-го Украинского фронта, потому что, как мне было сказано, там не хватало переводчиков немецкого языка. И действительно, в штаб фронта поступало много трофейных документов, которые нужно было просмотреть, определить какие из них представляют интерес для командования и перевести на русский язык. После боя такие документы привозили мешками.

И здесь удача не оставила меня! Как то раз была разгромлена одна немецкая часть и, перебирая захваченные документы, я увидел отпечатанный на хорошей бумаге приказ, в котором указывалось, что 78-ая пехотная дивизия должна пере-

дислоцироваться с берегов Ла-Манша на Украину. И она действительно была передислоцирована в район Чернобыля. Это подтверждалось и другими разведанными. Немецкий текст приказа с моим переводом был направлен в Москву, а И. Сталин в одном из выступлений, говоря о необходимости открытия второго фронта, в общих словах сказал, что продолжается переброска вражеских войск с запада на восточный фронт.

После переправы через Днепр все мы почувствовали, что приближаемся к вражеской земле. Попадавшие в плен или добровольно перешедшие на нашу сторону солдаты противника всегда кричали «Гитлер капут». Солдаты-антифашисты в сопровождении нас, переводчиков, каждой ночью выходили в район переднего края и обращались к своим однополчанам с призывом переходить на нашу сторону. И результаты от их призывов были. Они обращались к солдатам своей части по именам, убеждали своих знакомых в том, что «русский плен» существует. Правда обычно первыми на нашу сторону переходили славяне из югославских земель. Но переходили и немцы. Это в основном были очень молодые люди, поэтому некоторые из них у меня очень быстро складывались хорошие отношения.

Незадолго до окончания войны поступило распоряжение направить военных переводчиков на шесть месяцев в Москву для усовершенствования знаний по немецкому языку. В документе говорилось, что это касается тех переводчиков, которые не имеют специального языкового образования. Указывалось так же, что придется вести работу и с гражданским населением Германии. У меня было высшее университетское образование. Я довольно хорошо владел немецким, но специального языкового образования у меня не было и меня включили в эту группу.

В Москве занятия проводились в военном институте иностранных языков. Начальником курсов был генерал Биязи, цыган по национальности, очень интересный и требовательный человек. Занятия проводили хорошо подготовленные преподаватели. Поскольку все слушатели в той или иной степени владели

немецким языком, нам преподносили и требовали знания различных военных терминов, сокращений в немецких приказах, радиogramмах и тому подобное, что мне, историку по образованию, знавшему специфику военного языка весьма поверхностно, чрезвычайно пригодилось в дальнейшем.

После полугодового обучения нас небольшими партиями стали отправлять обратно на фронт, в свои части. Когда я был в отдел кадров Первого Украинского фронта, меня направили переводчиком в разведуправление. Здесь работали переводчики не только немецкого, но и французского, английского, венгерского языков. Возглавлял отдел пожилой капитан Феофан Павлович Алексеев. Он окончил гимназию еще при царском режиме и владел немецким, английским и французским языками. Он был грамотный, культурный человек и готов был всем прибывшим помочь во всем.

Командовал Первым Украинским фронтом широко известный маршал Конев. Это был очень требовательный командующий и, как мне кажется, все его боялись, может быть потому, что он очень редко улыбался и голос, как нам казалось, был очень требовательный. Он никогда - при мне, по крайней мере, - не присутствовал при допросе даже видных немецких военных начальников, а присылал через адъютантов отпечатанный на машинке вопросник. Эти вопросы мы должны были задавать пленному и пересылать Коневу через связного офицера. Через некоторое время от главнокомандующего могли последовать дополнительные вопросы для уточнения.

Мне запомнился случай, когда в нашем плену оказался немецкий генерал интендантской службы. С ним обращались корректно. Фамилию его я, конечно, не помню. Отправить его на сборный пункт пленных не было возможности и он, кажется сутки - двое, пробыл в доме неподалеку от нашего штаба. Его даже кормили в нашей офицерской столовой. Когда наступил час обеда, мне приказали сходить к нему и привести в столовую. Кажется, он имел звание генерал-лейтенанта. По пути в столовую мне, конечно, хотелось поговорить с ним, узнать, о чем он

думает. Об этом я его и спросил. Он тихо, с каким-то сожалением ответил, что Гитлер, конечно, все сделал не так, как нужно было. Нужно было, продолжал он, объединиться Германии и России, разбить Англию и поделить её колонии. Помню, я ответил ему, что у нас своей земли много, и английские колонии нам не нужны. Он замолк, на этом разговор и закончился.

Встречи же с местными жителями происходили спокойно, мне кажется потому, что они ожидали какую-то враждебность со стороны солдат страны-победительницы. Первое, что я там увидел - это брошенные поместья зажиточных землевладельцев и стада коров бродивших без присмотра по огородам и полям неподалеку от коровников. Правда, откуда-то появлялись люди и наши солдаты, которые открывали двери помещений, где хранилось сено и прочий корм для скота. Нашлись даже люди, которые занялись доением коров. Но, повторяю, местные жители относились к нашим солдатам настроенно, что само по себе понятно.

О капитуляции фашистской Германии нам объявили в населенном пункте в сорока - пятидесяти километрах от Дрездена. Потом штаб фронта продвинулся в пригород Дрездена. Все подразделения были торжественно выстроены и какой-то штабной генерал очень высокого ранга вышел к построившимся и произнес речь.

Группировка Шернера, между тем, продолжала наступать в направлении Праги. Командование Первого Украинского фронта решило обратиться к солдатам и офицерам группировки Шернера по фронтовой радиостанции. В обращении указывалось, что безоговорочная капитуляция Германии является фактом, и что дальнейшее сопротивление бессмысленно. Предлагалось выслать представителей в такой-то населенный пункт для встречи с представителями штаба фронта. Встреча не состоялась, потому что от штаба Шернера представители не явились, и бои с этой группировкой продолжались.

Командование снова решило обратиться к Шернеру по штабной радиации. Текст обращения был переведен на немецкий

язык немецкими антифашистами, а выступать по радио было поручено переводчикам нашего фронта. Первым выступать по радио было поручено мне. После меня выступала старший лейтенант, эстонка, Тереза Юргенс. Она закончила военный институт иностранных языков в Москве и хорошо говорила по-немецки. После того как заработала наша радиостанция, заработали все радиостанции частей фронта.

Первый Украинский фронт был, судя по всему, на левом фланге войск, наступавших на Берлин. Пишу так осторожно потому, что я хотя и находился на командном пункте штаба фронта, знать замыслов и планов высшего командования никак не мог.

На последнем этапе войны, то есть в Берлине я был ранен. В госпиталь я решительно отказался ехать, потому что боялся, что после выздоровления могут послать в другую часть. Слава богу, все обошлось благополучно, хотя раненая нога дает и сейчас о себе знать. Я награжден медалью «За участие в героическом штурме и взятии Берлина».

После безоговорочной капитуляции Германии наш фронт некоторое время дислоцировался в Германии, но вскоре последовал приказ о передислокации в Австрию. Как раз в это время в штаб нашего фронта добровольно явился немецкий конструктор моторов Ю-88 и заявил, что хочет работать в России. Откуда он взялся я не знаю. Мне было приказано доставить его в Москву на самолете, а возвращаться уже в Вену.

В Москве я пробыл три дня и со справкой о выполнении приказа на самолете прибыл в Вену, а оттуда на попутной машине добрался до Бадена, где располагался штаб советских оккупационных войск в Австрии. Так начался мой австрийский период службы в рядах советской армии.

Австрийцы хотя и говорят по-немецки, но своим нравом, мягкостью характера и дружелюбностью отличаются от немцев. Были случаи, когда на улицах Бадена возникали драки между австрийцами и немцами - бывшими фашистами. Наши просьбы австрийская администрация выполняла аккуратно. Они охотно и

добросовестно предоставили нам помещение для школы, когда наше правительство разрешило офицерам привозить свои семьи.

В Австрии в то время шла острая политическая борьба. Временное правительство Австрии в то время возглавлял Карл Реннер. Этот хитрый политик заявлял, что будущее Австрии принадлежит социалистам и коммунистам. Наша военная администрация поддерживала его, а он тем временем спланировал силы реакции, которые на выборах одержали победу и правительство возглавил Фигль, при поддержке, конечно, военной администрации США.

В 1952 г. я демобилизовался и вернулся в родной университет. Не могу не сказать слова благодарности уважаемым преподавателям истфака за теплоту, с которой они приняли меня. Я старался отблагодарить дорогой мне факультет и довольно успешно защитил кандидатскую, а затем докторскую диссертации.

Узнав, что я не равнодушен к языкам, ректор университета академик А. Д. Александров поручил мне быть ответственным за обучение иностранных студентов в университете. За эту работу указом президента Российской Федерации мне присвоено почетное звание «Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации».

* - публикуется с редакционными сокращениями.